

Сколько лет прошло, и кто бы мог подумать, что именно сегодня они встретятся здесь.

Шан Сижую казалось, будто в голове у него кипит лава — горячая и тяжёлая, пульсирующая боль отдавалась в висках, ноги подкашивались. Он стоял, опираясь на дверной косяк, и лишь через несколько мгновений пришёл в себя. Она выглядела прекрасно — одетая с иголки, сияющая, сидела в зале и слушала его пение, как настоящая леди. Когда-то они стояли на одной сцене, играли одну пьесу, делили радости и горести. Тогда всё было так гармонично, так весело. Потом она ушла, сошла со сцены, и на подмостках остался только он, Шан Сижуй. Весь мир теперь состоял из него одного.

Она больше не пела с ним, она слушала его.

Шан Сижуй выпрямился, решив про себя: «Хорошо, сегодня я спою для тебя как следует».

Ранее Сяо Лай, увидев Цзян Мэнпин в зале, была настолько напугана, что едва не лишилась чувств, понимая, что сегодня ничего хорошего не выйдет. Она изо всех сил схватила Шан Сижую за рукав, плача:

— Шан-лаобан! Нет! Давайте не будем петь!

Шан Сижуй с силой оттолкнул её руку, откинул занавес и вышел на сцену, остановившись посреди неё и устремив взгляд на Цзян Мэнпин. Его глаза, и без того яркие и выразительные, сейчас, полные ненависти, казались способными пронзить сердце. Чэн Фэнтай, сидевший в зале, почувствовал, как этот взгляд буквально пронзает его, вызывая страх, словно перед ним был гневный буддийский страж.

Шан Сижуй долго не начинал петь, и музыка смолкла. Гости в зале почувствовали, что что-то не так.

В этой тишине Шан Сижуй вдруг запел резким голосом:

— Не мечтай, что этот юноша будет просить у тебя хлеба! Возьмёт тебя в жены, а через полгода бросит. И не посмеет причинить тебе вреда, но будет бить кулаками и ногами, пока ты не зарыдаешь!

Когда лодка достигнет середины реки, будет поздно заделывать пробоину. Кого винить в своих бедах? Думай заранее, чтобы потом не сожалеть. Я не могу тебя убедить! Когда-нибудь тебе придётся спасти свой «камень ожидания мужа»!

Чэн Фэнтай подумал, что что-то не так. «Что это за пьеса? Звучит совсем не празднично». В следующую секунду он услышал грохот опрокинутых стульев. Цзян Мэнпин, дрожа, встала, оттолкнув стул, словно увидела что-то ужасное, и начала отступать.

Прошло четыре года, но она сразу узнала Шан Сижую. Именно она научила его гриму, как она

могла не узнать? Он помнил прошлое, всё ещё ненавидел её, и эта ненависть проникла в его кости, заставив забыть о долге лицедея. В Пинъяне Шан Сижуй довёл её до отчаяния, лишил лица, и все плевали на них, называя прелюбодеями. Она, экономя на всём, растила его как младшего брата, заботилась о нём, защищала, а в итоге вырастила волка, который хотел её съесть!

Воспоминания о тех ужасных днях в Пинъяне нахлынули на неё. Цзян Мэнпин, пятась, пыталась убежать, сталкиваясь с несколькими гостями. Чан Чжисин поспешил обнять её, успокаивая нежными словами.

Шан Сижуй на сцене указал на них:

— Если тебя сватают — ты жена, если сбежишь — наложница! Возвращайся домой!

Эти слова Чэн Фэнтай понял.

Командующий Цао воскликнул:

— Хо! «На стене, на коне»! Шан Сижуй в роли старого воина — это что-то!

Цзян Мэнпин закрыла уши, слезы катились по её лицу, она рыдала:

— Чжисин, я не хочу здесь оставаться, давай уйдём! Скорее!

Чан Чжисин был готов на всё, лишь бы успокоить её:

— Хорошо, хорошо, мы уходим. Фань Лянь! Отвези нас!

Трое начали шумно собираться у выхода. Командующий Цао, уже раздражённый, вдруг встал, выхватил пистолет и выстрелил в воздух, затем направил ствол на них.

Чэн Фэнтай, побледнев, вскочил, пытаясь отнять оружие:

— Шурин! Не надо!

Командующий Цао оттолкнул его, нацелив пистолет на Цзян Мэнпин, и сказал:

— Сегодня праздник моего племянника, а ты тут ревешь? Какой позор! Все садитесь! Никто не уходит!

Он махнул пистолетом, и солдаты сразу же заняли позиции у входа.

Командующий Цао был местным царьком на северо-западе, и в Бэйпине, пока у него были солдаты, он оставался царём, которого никто не смел перечить.

Чан Чжисин и командующий Цао молча смотрели друг на друга, глаза обоих пылали гневом. Фань Лянь шёпотом уговаривал его:

— Чжисин! Чан Чжисин! Это не Пинъян, и ты больше не третий господин Чан! Для командующего Цао убить человека — как раздавить клопа. Не стоит рисковать, потерпи!

Он изо всех сил пытался усадить его.

Чан Чжисин стиснул зубы, обнял жену и сел, прижимая её к груди, словно пытаясь защитить от внешнего мира. Сам он сидел прямо, гневно глядя на Шан Сижую.

Шан Сижуй тоже смотрел на него, его глаза сверкали. Он выбрал для Чан Чжисина особый отрывок и запел громко и уверенно:

— ...Эта кожа — твоё тело, этот молот — твои рёбра; эти отверстия — твоё сердце; эта палка — твои клыки! Оба конца пробьют твою наглуемую шкуру, и даже этого будет мало, чтобы искупить твои грехи! Начнём с начала, слушай внимательно!

Командующий Цао словно снова увидел Шан Сижую на стенах Пинъяна, безумного и дерзкого. Все солдаты дрожали от страха, а он стоял под градом пуль и пел. Один Юй Цзи, но более величественный, чем сам Сян Юй.

Командующий Цао крикнул:

— Браво!

Как только он это произнёс, адъютант и солдаты вокруг тоже закричали «Браво!», а остальные гости, не понимая, в чём дело, присоединились. Этот спектакль был самым странным и пугающим для них. Однако их аплодисменты стали ещё одним унижением для Чан Чжисина и Цзян Мэнпин. Цзян Мэнпин рыдала, а Чан Чжисин, обняв её, выглядел ужасно.

Чэн Фэнтай с досадой смотрел на Шан Сижую, не зная, сердиться ему или смеяться, и подумал: «Что за чёртовщина...»

Чэн Мэйсинь, глядя на брата, злорадно улыбнулась: «Я же говорила. Шан Сижуй — он действительно сумасшедший».

Праздник в честь месячного возраста третьего молодого господина Чэна был разрушен Шан Сижуюем. Фань Лянь и супруги Чан ушли, не дождавшись ужина, гости были напуганы и растеряны, а командующий Цао довёл их почти до слёз.

Чэн Фэнтай, хмурясь, шёл против толпы. Слуга остановил его:

— Второй господин, командующий Цао ждёт вас!

Чэн Фэнтай согласился, и слуга, не отставая, последовал за ним. Когда они добрались до заднего двора, Шан Сижуй, выдохшийся после своего выступления, сидел перед зеркалом, сняв головной убор и костюм, и Сяо Лай вытирала ему лицо. Остальные актёры и музыканты были отправлены домой, а два солдата командующего Цао охраняли Шан Сижую, не зная, что с ним делать.

Чэн Фэнтай, стоя в дверях, холодно позвал:

— Шан-лаобан...

Шан Сижуй, не реагируя, сидел неподвижно. Сяо Лай, взглянув на Чэн Фэнтая, накинула на Шан Сижую плащ. Его взгляд был пустым. Чэн Фэнтай, вспоминая его обычное состояние, почувствовал мурашки по коже.

Слуга торопил:

— Второй господин, поторопитесь, командующий Цао нервничает!

Чэн Фэнтай ещё раз мрачно посмотрел на Шан Сижую и ушёл, всё ещё полный гнева.

Командующий Цао, вспомнив былые военные подвиги благодаря Шан Сижую, был в отличном настроении. Увидев Чэн Фэнтая, он схватил его за шею и начал пить, пока не опьянел, а затем потребовал показать ему младенца. Чэн Фэнтай велел няне принести ребёнка, и командующий Цао, увидев малыша в пелёнках, выхватил пистолет.

Все гости встали, а одна служанка уронила тарелку.

Чэн Фэнтай, думая о супругах Чан, выпил ещё несколько глотков вина и, слегка опьянев, сидел, держа бокал, и равнодушно посмотрел на пистолет:

— Пристрели его! Но тогда ты должен будешь заплатить за дочь.

<http://bllate.org/book/15435/1368564>